

— То, что я только что сказал, ты понял? — Цзи Цинъюэ не стал объяснять всё произведение целиком, ограничившись лишь тем отрывком, который мальчик заучивал вчера.

Шан Дажэнь — это почтительное обращение к святому Конфуцию. Святой Конфуций носил фамилию Кун, имя Цю, был вторым ребёнком в семье, родился в год Цзи, просветил три тысячи учеников, семьдесят два из которых были наиболее сведущи в науках.

Мальчик почтительно ответил:

— Бессмертный, я всё понял.

Цзи Цинъюэ вовсе не собирался сбивать ребёнка с толку. Просто этот отрывок казался ему слишком простым, и он мог дать пояснения. Если бы речь шла о чём-то более глубоком, он бы не рискнул притворяться знатоком.

— Хорошо, из этого ребёнка выйдет толк!

Мальчик очень загордился:

— Благодарю за похвалу, Бессмертный!

Цзи Цинъюэ хотел поскорее проверить свою догадку и продолжал:

— Ты такой прилежный и умный не по годам, хочешь, я тебя вознагражу?

— Вознаграждение? Бессмертный, вы хотите меня одарить?

Мальчик оказался до того наивным и смелым, что решился взять вещь у незнакомца. Цзи Цинъюэ подумал, что если представится случай, он обязательно должен будет показать малышу, насколько опасен этот мир. Но сейчас ему нужно было сохранять спокойствие.

— Протяни руку и поднеси её к картине.

Мальчик в восторге вытянул руку:

— Что же вы мне подарите, Бессмертный?

Цзи Цинъюэ достал леденец, развернул обёртку — внутри оказалась круглая мятная конфета-свистулька. Он нервно прошептал про себя: Пусть моя догадка окажется верной! Позволь мне выжить!

Затем он глубоко вздохнул и сжал кулак, ударив по барьеру. К его удивлению, в этот раз преграды не возникло. Кулак словно растворился в воздухе, пройдя сквозь барьер! В следующее мгновение Цзи Цинъюэ ощутил ответный толчок, отбросивший руку назад.

Он разжал ладонь — конфеты в ней не было.

Радостный голос мальчика донёлся из-за картины:

— Бессмертный, что это?

Цзи Цинъюэ облегчённо выдохнул:

— Это конфета, попробуй, сладкая ли она.

Мальчик слегка удивился:

— Это леденец? Я хочу угостить братьев!

Эти слова тронули Цзи Цинъюэ. Мятная конфета размером не больше ногтя, а ребёнок, столкнувшись с искушением, первым делом подумал о братьях. Как же хорошо его воспитали в этой семье.

Но Цзи Цинъюэ не мог рисковать:

— Давай договоримся о трёх правилах, идёт?

— Что значит договориться о трёх правилах?

— Ты пообещаешь мне, что никому не расскажешь о моём существовании.

— Даже братьям нельзя?

— Нельзя.

На самом деле Цзи Цинъюэ шёл ва-банк: если проиграет, придётся искать другой путь.

Мальчик немного подумал:

— Отец и братья всегда говорят, что человек должен быть честным и добрым, держать слово. Бессмертный учит меня наукам и справедливости, я должен быть благодарен. То, о чём вы просите, я непременно исполню.

Цзи Цинъюэ снова восхитился воспитанием этого ребёнка. Если представится шанс, он обязательно отблагодарит эту семью.

— Хорошо.

— Тогда... Бессмертный, я всё же могу поделиться леденцом с братьями?

Цзи Цинъюэ не знал, сколько человек в семье мальчика, но, судя по тому, что снаружи постоянно слышались разные голоса, людей там немало. Пришлось сказать правду:

— Боюсь, одной конфеты на всех не хватит.

Мальчик огорчился:

— Тогда... я приберегу её, а когда Бессмертный даст ещё, тогда и раздам братьям.

Цзи Цинъюэ не знал, смеяться или плакать — он ведь не мог сказать, что у него осталась последняя конфета. Поняв, что момент подходящий, он перешёл к главной цели:

— Раз уж я тебя учу, как же мне не знать твоего имени?

— Ах, это моя вина, забыл представиться. — Мальчик расстроился из-за своей невежливости. — Фамилия моя Ли, имя Чангуй, четвёртый в семье.

— Тогда я буду называть тебя Сылан, как и твои братья, хорошо?

Мальчик пришёл в восторг:

— Хорошо, хорошо! — В следующее мгновение он, видимо, понял, что ведёт себя слишком бурно, и напустил на себя серьёзный вид: — Бессмертный будет звать меня Сылан, а как мне называть вас?

Цзи Цинъюэ стало совестно, но рисковать он не мог, поэтому на ходу выдумал оправдание:

— Я проспал тысячу лет, сегодня впервые пробудился и многое забыл. Зови меня «Забытый».

Кхе-кхе, пока он это сочинял, лицо его залилось краской.

— Бессмертный Забытый? — Ли Сылан, подражая взрослым, сначала не понял, а потом по-детски пробормотал: — Почему так же, как у монахов с горы Байциншань? — Сказав это, он понял, что проговорился, и поспешил исправиться: — Бессмертный Забытый, я понял.

Цзи Цинъюэ едва сдержал смех.

— Сылан, можешь исполнить ещё одну мою просьбу?

— Можешь принести мне два паровых хлебца?

Ли Сылан склонил голову:

— Хлебцы? Вы имеете в виду лепёшки на закваске?

Цзи Цинъюэ не знал, что это такое, но раз мальчик провёл аналогию, значит, это что-то похожее на хлебцы.

— Да.

— Матушка в эти дни не делала лепёшек, только хубины. Бессмертный, хубины подойдут?

Цзи Цинъюэ был так голоден, что готов был на всё:

— Подойдут. Кхм, да.

В этот момент снаружи раздался звонкий девичий голос:

— Сылан, с кем ты разговариваешь?

Цзи Цинъюэ замер. Ли Сылан в испуге затараторил, покачивая головой:

— Семьдесят мудрецов, юные ученики, восемь-девять сыновей, дела вершат, вежливость чтут. Вторая сестра, это отец и братья вернулись?

Девушка стояла в дверях:

— Ещё нет. С кем ты только что говорил?

Ли Сылан занервничал и начал заикаться:

— Ни... ни с кем... Я просто думал, что значат слова, которые велел учить брат, вот и говорил сам с собой.

Девушка с сомнением заглянула в комнату, но никого, кроме брата, там не увидела, и успокоилась:

— Отец и братья ушли сдавать зерно, вернутся, как только запишут всё на имя второго брата. Если не выучишь, боюсь, достанется тебе по рукам.

— Понял, вторая сестра.

Девушка вспомнила, зачем пришла:

— Матушка велела идти к ней, новую одежду сшили, иди примерь, не мала ли.

Ли Сылан сладко отозвался:

— Хорошо.

Комната опустела. Цзи Цинъюэ ждал и ждал, пока снаружи не послышались голоса, но никто не вошёл. Он прождал до самой темноты, пока всё не стихло — семейство Ли, должно быть, легло спать.

Цзи Цинъюэ кружилась голова от голода, он тяжело вздыхал. Вдруг послышались шорохи, кто-

то осторожно приблизился, даже дверь открылась бесшумно. Сердце Цзи Цинъюэ наполнилось ожиданием.

— Бессмертный... — Ли Сылан прижался к картине и прошептал: — Бессмертный, вы здесь?

Цзи Цинъюэ ответил тихо, словно вор:

— Я здесь...

— Я тайком взял две лепёшки и корзинку фиников, как мне передать их вам?

Цзи Цинъюэ стоял на мосту:

— Положи перед картиной, и я смогу их взять.

Он протянул руку сквозь барьер, и в ней действительно оказались две вещи. В темноте он не мог их разглядеть, но прошептал:

— Спасибо тебе, Сылан.

— Не стоит, я пошёл спать.

Когда Ли Сылан тихонько ушёл, Цзи Цинъюэ с добычей вернулся в хижину. Он включил фонарик на телефоне, и у него от волнения заслезились глаза. Большая лепёшка, увесистая, и корзинка фиников.

Хотя он был очень голоден, Цзи Цинъюэ решил растягивать еду. Запивая водой из термоса, он отщипывал по кусочку и тщательно жевал. Поджаристая лепёшка была солёной, посыпанной кунжутом, и даже без начинки казалась ему изысканным деликатесом.

Он был тронут.

На небе взошла луна, звёзды сияли ярче, чем в его родном мире. Насытившись, Цзи Цинъюэ прилёг, подложив руку под голову. В прежней жизни в это время ночь была в самом разгаре, и заснуть он не мог, но сытость дарила покой. Он наконец-то мог наслаждаться прекрасным ночным небом и понемногу строить планы на будущее.

Тем временем Ли Сылан пробрался в комнату и только успел забраться на лежанку, как брат спросил:

— Так долго в туалете? Живот болит?

Ли Сылан испугался, но подумал, что в темноте брат ничего не увидит, и ответил:

— Переел за ужином.

Брат обнял его:

— Осень наступила, впредь одевайся теплее, простудишься — будет худо.

Ли Сылан прижался к брату:

— Знаю, брат. Ты тоже берегись простуды.

Ли Эрлан погладил брата по голове:

— Спи.

Цзи Цинъюэ впервые за долгое время спал спокойно, но на рассвете его разбудил резкий крик. Где-то вдалеке послышался гневный голос женщины:

— Куда делись лепёшки?!

Голос был отчётливым, несмотря на расстояние, и в нём чувствовалась ярость. Во дворе поднялся переполох, все проснулись.

— Матушка, что случилось? Что произошло?

Женщина ответила:

— Старший, в доме вор!

Старый голос испуганно спросил:

— Что пропало? Может, позвать стражу?

Женщина:

— Матушка, ценного ничего не пропало, только две лепёшки и корзинка фиников.

Все опешили. Муж женщины с трудом проговорил:

— Две... лепёшки? И финики?

Женщина возмущённо воскликнула:

— Да! Кто мог залезть к нам ради такого?

Семья не знала, что и думать. Пропажа была невелика, но всё равно обидно: если так будет продолжаться, понемногу всё зерно растащат. Зерно лишним не бывает.

— Хозяин, что делать будем? — спросила женщина мужа.

Муж осмотрел двор — следов взлома не было. Он обвёл взглядом домочадцев: старые родители, жена, старший сын с невесткой, второй сын, вторая дочь, и, наконец, младший сын, который

отводил глаза. Мужчина всё понял.

— Чангуй, — сурово позвал он.

Ли Сылан дрожа встал:

— Отец...

— Хотя ты ещё не начал учиться, я часто наставлял вас. Твори добро, не желай зла, не лги, храни сердце чистым, не будь обманщиком. — Мужчина смотрел на сына, а тот дрожал и боялся поднять глаза. — Чангуй, подними голову, не смотри в пол.

— Да. — Мальчик поднял голову, лицо его было в слезах.

— Повтори вслух!

Ли Сылан всхлипывал:

— Твори... добро... не желай зла... не лги... храни сердце... чистым... не будь обманщиком.

— Есть что сказать матери?

— Я... — Сылан смотрел на родителей, разрываясь между страхом и нерешительностью.

Мужчина не выдержал и рявкнул:

— Говори!

Сылан вздрогнул:

— Это... это я взял!

— Ты съел две лепёшки? — Отец посмотрел на младшего сына. Тот был пяти лет, и хотя не толстый, голодным не выглядел. Обычно он съедал от силы поллепёшки, а тут — сразу две. Тут явно что-то было не так.

Ли Сылан заплакал:

— Я... — Слова застряли в горле.

Мужчина пришёл в ярость, схватил веник:

— Всё ещё не признаёшься? Кому ты отдал лепёшки?

Веник был поднят высоко.

— А-а! Отец, не бей меня! Не бей!

Мальчик не признался, и отец, несмотря на мольбы жены и матери, ударил его веником по

заднице. Ли Сылан взвыл от боли, но не убежал.

— Отец, не бей! Не бей!

Мать бросилась к мужу:

— Хозяин, он понял свою ошибку, не бей так сильно!

Старики тоже начали уговаривать:

— Дацай, перестань!

Во дворе поднялся крик и плач. Цзи Цинъюэ слышал всё до единого слова. Он метался по мосту, терзаемый чувством вины, но понимал, что ничем не может помочь.

Через некоторое время всё стихло. Видимо, отец остановился лишь тогда, когда веник сломался. Старший брат отнёс почти потерявшего сознание Сылана в комнату, и все, кроме отца, бросились осматривать раны.

Мать стянула штаны и ахнула: задница опухла.

— Признался бы сразу, отец бы перестал! Упрямый какой! Ты, должно быть, послан мне в наказание небом!

Ли Сылан, прикрывая зад, слабо простонал:

— Матушка...

— Скоро начнёшь учиться, пусть братья мажут раны! Я поняла, тебе на себя плевать, а мне каково! Все вы такие упрямые! — С этими словами она вышла из комнаты.

Сылан посмотрел на женщину рядом со старшим братом:

— Невестка...

Та с трудом сдержала улыбку:

— Раз ещё можешь говорить, пусть братья ухаживают за тобой. Бабушка, пойдёмте, успокоим матушку.

Бабушка покачала головой и увела деда. В комнате остались только старший и средний братья. Средний закрыл дверь, вернулся, взял мазь и начал мазать брату задницу.

Бедная, распухшая задница...